

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ В ДЕЙСТВИИ: ОМОН, ОМОНИМЫ И АНТОНИМЫ

С. Т. Золян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 05.08.2022 г.

Принята к публикации 15.11.2022 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6

В статье рассматривается процесс взаимодействия различных интерпретаций одних и тех же лексических единиц, который приводит к изменению соотношений между означаемыми и означаемыми и формированию новых знаков. На примере многозначного лозунга «ОМОН-И-МЫ – АНТОНИМЫ» продемонстрирован механизм семиотического перпетуум мобиле – циклических рекурсий, позволяющих одновременно актуализировать различные интерпретации высказывания. Показано, что изучение смысловых отношений в их динамике требует введения новых понятий. Демонстрируется общий принцип динамического семиозиса – рекурсивные отношения, при которых означаемое одного знака посредством промежуточных операций (омонимии и синонимии) становится означающим другого и наоборот. В этом семантическом перпетуум мобиле ни одна интерпретация не достигает конечной точки покоя, она скальвается к предшествующему состоянию, не порождая новых значений и знаков, но повторяя уже пройденный цикл. Каждая из взаимосуществующих интерпретаций возвращается к себе самой, демонстрируя парадоксальным и тавтологичным образом лумановскую концепцию парадокса и тавтологии как двух единственно возможных состояний описывающей себя системы. Рассмотрение этого процесса в перспективе начиная с исходной точки в последовательности операций выявляет тавтологичный (рекурсивный) и парадоксальный (инверсивный) характер самого механизма сигнификации.

Ключевые слова: динамический семиозис, омонимия, антонимия, синонимия, рекурсия, многозначность

Введение: лексикология как инструмент политики

В дни массовых протестов лета 2020 года в Беларуси особое внимание привлек один из плакатов, с которым вышли студенты Белорусского национального технического университета (БНТУ) (рис. 1). Он был воспроизведен в социальных сетях, а по итогам опроса радиослушателей «Эха Москвы» от 30 августа 2020 года плакат стал «словом недели».

Безусловно, целью его авторов было выразить несогласие с политикой властей, и, в первую очередь, с действиями минского ОМОНа. Но это несогласие можно было выразить и в прямой форме, так что сугубо политическое объяснение не представляется исчерпывающим. Нельзя его объяснить и требованиями обойти политическую цензуру или какие-либо запреты: политический смысл прозрачен, а нарушением закона, кроме того, могло быть сочтено и само использование плаката

безотносительно к тому, что на нем написано. Так что создание подобного текста можно рассмотреть как перетекание политической функции в поэтическую — установка на выражение политического содержания становится ступенью для выражения самой формы выражения, актуальный политический смысл сопряжен с установкой на экспликацию семиотических характеристик самих смысловых отношений (омонимии, антонимии, полисемии) и даже самой сигнификации — отношения между означаемым и означающим.

Рис. 1. Плакат на демонстрации¹

Поскольку подобное семиотическое развитие вряд ли входило в замыслы участников акции, то можно толковать это как проявление семипоззиса, семиозиса в действии, когда благодаря внутренней динамике знаковой системы происходит экспликация различных внутрисистемных отношений между означающими и означаемыми.

Рискнем утверждать, что этот небольшой текст хоть и не опровергает, но тем не менее существенно дополняет концепцию семантических уровней Луи Ельмслева (1960) и Альфреда Тарского (Tarski, 1944), пред-

¹ Источник: <https://www.facebook.com/echoporusski/posts/1542895845896065/> (дата обращения: 01.08.2022). Компания «Мета», владеющая социальной сетью Facebook, признана в РФ экстремистской, ее деятельность в России запрещена.

полагающую строгое разграничение между языком-объектом и метаязыком, а также рассматривающую их смешение как недопустимое явление, приводящее к парадоксам. Между тем в данном случае адекватное прочтение предполагает именно такое смешение: переход от языка-объекта к метаязыку и обратно создает постоянно воспроизводимую цикличность. Различные операции – стадии этого процесса можно уподобить тому, что в последнее время называют *странной петлей Хофштадтера* (Hofstadter, 2013, p. 11) – это иерархическая структура, предполагающая замыкание (возвращение в исходное состояние) и рекурсию между единицами различных уровней (наглядной иллюстрацией могут послужить гравюры Эшера). Такое взаимодействие уровней носит многомерный и симультанный характер, однако при изложении мы вынуждены «расчленивать» этот процесс на отдельные стадии, с тем чтобы попытаться воссоединить их в Заключении.

2. Омонимы – не ОМОН-и-мы

Применительно к данному плакату уже само выделение высказывания и даже ответ на вопрос «Что здесь написано?» оказывается проблематичным. Назвать плакат многозначным недостаточно. В нем – и это подчеркнуто графикой и цветом – выделяются два (по крайней мере) высказывания: *ОМОНИМЫ – АНТОНИМЫ* и *ОМОН и мы – антонимы*. Текст не просто допускает двоякую интерпретацию: он ее требует. При этом эти две интерпретации не образуют блендинга, поскольку они принципиально не могут быть совмещены и взаимодействуют друг с другом именно «как единое целое, как символ, смысловые разрешения которого трансфинитны, но замкнуты в строго очерченную сферу, цельнооформленные структуры» (используя удачное выражение В.В. Виноградова (1930, с. 67)). Они скорее находятся в отношении маятника (или *контрданса*), одно толкование отсылает ко второму, но так, чтобы второе отсылало к первому². При этом могут изменяться и значения отдельных компонентов. *Омон и мы* при одном прочтении – это словосочетание, при другом – квазиморфы, результат квазиморфологического анализа слова «омонимы». Но вследствие этого переосмысливается (переразлагается) морфологически неразложимый лингвистический термин «омонимы» – из обозначения отношения между идентичными означающими он преобразуется в сложное слово, состоящее из двух корней, каждый из которых обозначает социальную группу. Соответственно, и другой лингвистический термин, *антоним*, приобретает дополнительное значение – быть антиподом, ан-

² Мы используем слово, введенное в оборот Осипом Мандельштамом в иной связи, но для описания сходного явления: «Страшный контрданс “соответствий”, кивающих друг на друга. Вечное подмигивание. Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания. Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой» (Мандельштам, 1999, с. 227). Для обозначения этого механизма (постоянного перехода от денотативного значения к коннотативному и обратно) Ролан Барт использовал сравнение с турникетом (вертушкой) (Барт, 1994). Аналогичный механизм действует и в случае так называемого двоемыслия. См.: (Золян, 2018).

тагонистом. В дополнение к этому возникает уникальное отношение автореференции: *ОМОН* и *мы* и *Омонимы* — это в самом деле омонимы, циркулярность оборачивается рекурсией, рекурсия — циркулярностью. Возникает квазилексикографическая интерпретация: *омон* — это квазикорень лексемы *Омоним*; *ОМОН* — *отряд милиции особого назначения*.

Образуемые знаки являются словами-матрешками, или словами-портмоне³, поскольку оба, *омонимы* и *ОМОН*, состоят из двух отражающихся друг в друге значений, и, одновременно, словами-петлями, поскольку значения второго члена приводят к переосмыслению первого, и наоборот. Так, минский *ОМОН* перестает существовать как денотат, он становится означаемым для метаязыковой операции, которая при этом осложнена операцией словообразования: $ОМОН_1$ — аббревиатура, обозначение отряда милиции особого назначения⁴ преобразуется в — $омон_2$ —, квазикорень слова «омоним», и этот новый, образованный от $ОМОН_1$ $омоним_2$ есть омоним термину $омоним_1$.

Попытки отобразить это постоянное движение (или взаимоотражение) приводят к следующей петлеобразной схеме, при которой означаемое на шаге N становится означаемым на шаге N+2 и т.д., поскольку возможно и обратное движение.

[ОЗНАЧАЕМОЕ] $Омонимы_1$ (метаязыковое отношение) $\Leftrightarrow$
 $\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЮЩЕЕ] $ОМОН_2$ И $МЫ_2$ $\Leftrightarrow$
 $\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЕМОЕ] $ОМОН_1$ И $МЫ_1$ $\Leftrightarrow$
 $\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЮЩЕЕ] $ОМОНИМЫ_1$ (лингвистический термин) $\Leftrightarrow$
 $\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЕМОЕ] $ОМОНИМ_2$

Омонимия как лингвистическое понятие иллюстрирует самое себя посредством операции омонимии. Омонимия как отношение (означаемое) манифестируется в паре

[ОЗНАЧАЮЩЕЕ] $ОМОН_2$ И $МЫ_2$ $\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЕМОЕ] $ОМОН_1$ И $МЫ_1$,
 которую также можно рассматривать как знак. Этот знак, в свою очередь, есть означающее лингвистического термина «ОМОНИМЫ», что возвращает нас к исходной точке — омонимы:

³ «Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут — это слово раскладывается на два! (You see it's like a portmanteau — there are two meanings packed up into one word)». Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье (пер. Н. Демуровой).

⁴ Заметим, что *ОМОН* и производные от нее «омоновцы» уже стали в русском лексическими единицами, поэтому переименование милиции на полицию не повлияло на аббревиатуру и не привело к аббревиатуре *ОПОН* (*ОПОН*, как можно судить по данным Википедии, есть только в Молдове и Азербайджане). Поэтому в МВД пришлось скорректировать аббревиатуру с учетом уже сформировавшегося узуса — «М» осталось, но должно читаться как «мобильный». Ср. «Министр внутренних дел Рашид Нургалиев исправил сумятицу в умах и подписал приказ о переименовании *отряда особого назначения* в *отряд мобильный особого назначения*. Таким образом, подразделению спецназа вернулась исконная аббревиатура — *ОМОН*, вместо изрядно смущавшего участников всевозможных акций ООН». См.: Никитина Ю. Из России вывели отряды ООН. URL: <https://www.fontanka.ru/2011/12/08/064/> (дата обращения: 01.09.2022). Тем не менее в словарях (Ожегова, Юридическом и др.) «м» в составе аббревиатуры расшифровывается как «милиция».

[ОЗНАЧАЮЩЕЕ] «ОМОНИМЫ» $\Leftrightarrow$

$\Leftrightarrow$ [ОЗНАЧАЕМОЕ] Омони́мы₁ (метаязыковое отношение).

Цепочка замкнулась в петлю, породив внутри себя также и малую петлю. Приблизительно этот семиотический круговорот можно перефразировать как:

1. Выражения «ОМОН И МЫ – ОМОНИМЫ» есть ОМОНИМЫ.
2. Слово «Омонимы» есть омоним к выражениям «ОМОН и МЫ».
3. Выражения «ОМОН И МЫ – ОМОНИМЫ» есть ОМОНИМЫ,

и так до бесконечности. При этом наложение двух прочтений друг на друга создает предикацию: *омон и мы – омонимы*, что совершенно верно если рассматривать правую часть как лингвистический термин. Соответственно, правая часть, предикат, также допускает разложение, что приводит к новому циклу рекурсий. С другой стороны, возможны и тавтологические прочтения: *омонимы – омонимы*, *омон и мы – омон и мы*, но при этом компоненты могут пониматься в различных смыслах (омон_{1, 2}; омоним_{1, 2}; мы_{1, 2}).

Люди (ОМОНовцы, мы, студентки) становятся квазиморфами, а те, на следующем цикле интерпретации, становятся людьми, студентками и омовцами, но с тем, чтобы вновь превратиться в знаки, манифестацию металингвистических отношений. Одни и те же означающие описывают различные ситуации, что и обозначается как отношение омонимии. Омонимия как металингвистическое отношение экземплифицирует саму себя. Соединение двух интерпретаций, выраженных посредством омонимичных означающих, создает рекурсивную петлю.

Внутри этой большой петли имеют место и две малые: омон₁ – омон₂; мы₁ – мы₂. В обоих случаях на уровне означаемых происходит конвертация квазиморфов в лексемы и обратно, а на уровне означаемых – знаков в денотаты (студенток, омовцев). Отношение студенток к минскому ОМОНу предстает как проявление описывающей саму себя омонимии. Соответственно, та же цикличность наблюдается при преобразовании первичных значений во вторичные, и наоборот, то есть (квази)морфы трансформируются в людей, а люди – в лингвистические единицы и отношения. Та же трансформационная логика действует и при расширении исходной петли, вовлекая в процесс интерпретации уже иные метасемиотические отношения и операции.

3. ОМОН и МЫ – антонимы; омонимы – антонимы

Вышепредложенная схема семантизации дополняется благодаря тому, что предикат «антонимы» задает иное направление – он разрывает авторекурсивную петлю, но чтобы создать новую, включающую в себя первую. Продолжением оказывается указание на другое лексико-семантическое отношение: омонимы внутри себя заключают антонимы. Это то дополнительное прочтение, которое накладывается на буквальное неправильное, а, точнее, парадоксальное прочтение: *омонимы суть антонимы*.

Омонимия субъектной части предложения (ОМОН-И-МЫ₁) / ОМОН и МЫ₂ индуцирует многозначность его предиката – слова *ан-*

тонимы. Лингвистический термин «антонимы», который в существующих словарях описывается как однозначный, приобретает метафорическое значение. Значение «слова, противоположные по смыслу» преобразуется в «люди с противоположными взглядами: *антиподы, антагонисты*». Но сохраняется и буквальное значение, поскольку оно поддерживается исходным значением термина *омонимы*. Именно противоречивость утверждения *Омонимы – антонимы* приводит к требуемому прочтению *Мы и омовцы – антиподы*. Однако эту интерпретацию нельзя считать аннулирующей предыдущие прочтения и стадии семиозиса. Интерпретация *ОМОН и МЫ – антиподы* возникает потому, что она опирается на те же структуры смысла, что и первая, она возникает как результат разложения слова «омонимы» на квазиморфы, и этим мотивировано появление лексикологического термина «антонимы» в качестве предиката. Первая интерпретация внедрена во вторую, вторая – в первую. Омонимы оказываются не омонимами, а омовцами, а антонимы – не словами, а антиподами. Исходные, словарные значения не теряются, но уже как результат вторичной интерпретации воздействуют на первые – от минского *ОМОН*а остается только означающее («*ОМОН*» функционирует как квази-морф), в то время как *МЫ* из квазиморфа превращаются в девушек, держащих плакат.

Два уровня семантики порождают два переплетенных между собой высказывания: *Омонимы (омонимы, омон и мы) – антонимы_{1, 2}*.

Поскольку омонимы не могут быть антонимами, происходят две операции: метафоризация слово *антоним*; из лингвистического термина – слова, *противоположные по смыслу*, оно становится обозначением отношения социальной противопоставленности, синонимичным слову *антиподы*. Благодаря этому происходит также и материализация термина *омонимы* – оно начинает обозначать этих антиподов: это, с одной стороны, «*ОМОН*», а с другой – «*Мы*», то есть говорящие. Поднятие девушкой плаката эквивалентно высказываемому: «Я и такие как мы – антиподы омовцам». Рекурсивная петля возникает, но уже как следствие многозначности: лингвистическое отношение антонимии переносится на отношение между людьми.

ЗНАК ₁		ЗНАК ₂		ЗНАК ₃	
ОМОНИМЫ		ОМОН и МЫ		ОМОН и МЫ – АНТОНИМЫ ₂	
«омонимы»	Слова, одинаковые по звучанию, но различающиеся по смыслу	Знак 1	Омовцы и мы	Знак 2	Пропозиция «Я и подобные мне антиподы омовцам»

При таком прочтении рекурсивная петля предстает как матрешка; знак₃ включает в себе предыдущие петли, которые могут быть извлечены из этого знака, и тогда возникают новые циклы. Данный пример демонстрирует, каким образом возможно соотнесение между омонимией и антонимией. Так, отношение омонимии можно формализовать как основанное на идентичности означающих дизъюнкция их означаемых (*омонимы* ИЛИ (*омон и мы*)), причем, в отличие от многозначности, это отношение несистемное, указывающее на несопоставимые, не имеющие какой-либо общности различия.

Отношение антонимии также есть дизъюнкция, несовместимость означаемых, выраженных посредством различных означающих, но предполагающая наличие некоторого родового семантического признака, относительно которого возможны полярные значения. В данном случае такими полярными членами оказываются *ОМОН* и *Мы*.

Обратим внимание на амбивалентность союза «И» — он может пониматься и как конъюнкция, образующая нечто единое из составных частей (применительно к квазиморфам «Омон» и «Мы» образующая слово «Омонимы») или же как перечисление разнородных отдельных объектов (и мы, и ОМОН — антонимы). Примечательно, что сами по себе термины *Антонимы* — *Омонимы* не могут быть сопоставлены между собой, поскольку обозначают отношения, лежащие в разных плоскостях. Но антонимичными оказываются компоненты слова «омонимы»; операция над означающим — разложение слова — приводит к трансформации означаемых. Омонимия, сменяя означаемое, становится отношением, антонимичным самому себе; омонимия трансформируется в антонимию (рис. 2).

Рис. 2. Трансформация антонимии в омонимию и обратно

4. Омонимы-антонимы — синонимы

Уравнение «омонимы — антонимы» своей грамматической формой имплицитно вводит еще одно семантическое отношение — синонимию. Буквальное прочтение уравнивает делает антонимы и омонимы синонимичными, омонимы есть антонимы⁵. Можно говорить об уста-

⁵ Ю.С. Степанов, опираясь на результаты Патрика Серию, отмечает особую роль сочинительных конструкций в политическом дискурсе: «Сочинение — другая особенность советского политического дискурса. Оно приобретает две основные формы — либо соединяются посредством союза “и” два понятия (или большее их число), которые в обычной русской речи, т.е. за пределами данного “дискурса”, синонимами не являются: например, “партия”, “народ” — результат “партия и народ”». Либо, при другой форме сочинения, союз “и” вообще устраняется и логические отношения между соединенными понятиями вообще приобретают форму, не поддающуюся интерпретации: например, “партия, весь советский народ”; “комсомольцы, вся советская молодежь”. Результатом этой процедуры оказывается следующий семантический парадокс: огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навеивается идея об их действительном соотношении в “жизни”, о чем-то вроде их “тождественности”» (Степанов, 1998, с. 673).

новлении определенного метонимического отношения, уподобления по смежности двух лексико-семантических отношений, омонимии и антонимии. Метафоризация термина «антонимы» создает возможность и для метафоризации термина «омонимы», его можно понимать как внешнее подобие при значительных внутренних различиях — что порождает продуцируемое как комбинацию имеющихся разбиений знака *омон* и *мы* новое высказывание (*ОМОН* и *Мы* — омонимы) — антонимы, то есть внешне похожи, но очень различны, то есть антонимичны.

Между тем персонифицирующее прочтение предполагает иную метафоризацию: *мы* и *ОМОН* не синонимы, поэтому омонимы не синонимы. Это приводит к сдвигу значения сразу по нескольким направлениям, из которых наиболее очевидным будет сдвиг метаязыкового отношения: *означаемое* — *означающее*. Омонимы — это слова, у которых совпадают означающие, но отличаются означаемые. Синонимы — наоборот, при различии означаемых отсылают к сходным означаемым (а в данной формулировке — тождественным) означающим.

В лингвистике дихотомию составляют другие пары: антонимы соотносятся с синонимами, а омонимы — с многозначными словами. Омонимы не могут быть антонимами (в данном случае не будет оправданным указание на возможность энантиосемии, поскольку энантиосемия связана с многозначностью, о чем см. ниже), равно как и не может быть единения («синонимии») между «ОМОНом» и нами. Одно прочтение опровергает другое. Так что «правильная» интерпретация будет противоположной буквальной: *Омонимы* — не *антонимы*, *ОМОН* и *мы* — не *едины*. Указанная операции, уравнивающая синонимы и антонимы, приводит к иронии — пониманию буквально сказанного в прямо противоположном смысле, то есть к особому — надлексическому — типу антонимии. Тем самым высказывание и утверждает, и отрицает механизм антонимии: одно прочтение приводит к отношению синонимии, чтобы быть подвергнуто операции отрицания и стать отношением антонимии. Омонимы и антонимы при одном прочтении синонимы, при другом — антонимы.

Предыдущее прочтение приводило к установлению равенств: *омон* и *мы* / *омонимы* — это *омонимы*, причем речь шла о единицах языка-объекта, словах *ОМОН* и *мы* и *омонимы*, и метаязыковой единице *омонимы*, характеризующей отношения между единицами языка-объекта. Но при этом слово «омоним₁» в позиции грамматического субъекта выступает как единица языка-объекта и одновременно как подразумеваемый предикат, омоним₂ — как единица метаязыка. Подобная семантизация таит парадокс: предикат приписывает антонимические отношения грамматическому субъекту-омониму, что возвращает ситуацию к предыдущему случаю. Вместе с тем нет отношения иерархии между единицами языка-объекта и метаязыка: знак₂ *ОМОН* и *мы*, отсылает обратно к знаку₁ *ОМОНИМЫ*. Но в тексте этот предикат опущен, и вместо него появляется другая единица языка-объекта: «антонимы». Тем самым уравниваются субъект и предикат, правая и левая части выска-

звания: *Омонимы – антонимы*. В этом случае направление трансформации смысла противоположное – она идет от метаязыкового употребления *антонимы* к объектному, слово омоним оказывается синонимичным единице языка-объекта «*антиподы*». Возникают два уравнения отношений второго порядка, в свою очередь создающих уже третий уровень: единицы метаязыка сами оказываются объектом метаязыковой интерпретации: *омонимы* относятся к *антонимам* как *синонимы*, если считать, что и в левой, и в правой частях речь идет не о самих словах, а о выражаемых ими отношениях. Но предыдущее объектное (олицетворяющее) прочтение «омонимов» как омонимов приводит к ироническому переосмыслению отношения *омонимы / антонимы* → *синонимы*, оно из метаязыкового оказывается референциальным, синонимичным высказыванию *омон и мы – антиподы*. При таком прочтении все компоненты высказывания употреблены как единицы языка-объекта. Так возникает уже новая петля: третий уровень описания приводит к кристаллизации исходной несемантической ситуации-референта – противостояния двух социальных групп, то есть студентов и омонимов.

Операция над означающим порождает референтов (омонимов и студентов), которым суждено противостоять друг другу на улицах Минска, чтобы потом опять стать означаемыми слов *омон* и *мы*, словами с несовместимыми значениями, антонимами. Возможна и обратная деривация – омонимичные, то есть внешне не отличимые жители Минска (омонимы) разделились на своих и чужих, несовместимых по сути (значению) друг с другом *нас* и *омонимов*. Омонимия стала антонимией, наделяя смыслом лингвистически абсурдное высказывание «*Омонимы – антонимы*».

Возможность различных интерпретаций, одновременно выступающих по отношению друг к другу как синонимы и антонимы, в свое время была предусмотрена Юрием Лотманом:

Возможность для двух текстов одновременно выступать друг по отношению к другу в качестве синонимов и в качестве антонимов подводит нас к новому вопросу. Подобная смысловая игра не обязательно связывается с художественной функцией – область ее более широка. Это один из механизмов смыслопорождения. Особенность его, в частности, в том, что сама природа смысла определяется только из контекста, то есть в результате обращения к более широкому, вне его лежащему пространству (Лотман, 1992, с. 59).

Лотман в качестве наиболее очевидного примера приводил иронию: «Откуда, умная, бредешь ты голова» – при обращении к ослу сочетание «умная голова» меняет смысл на противоположный (Там же). Наш пример позволяет несколько дополнить наблюдение Лотмана: здесь не требуется «более широкое пространство», поскольку интерпретация оказывается замкнута на себя, высказывание само образует свой контекст и вбирает контекст в себя. Знание о событиях в Минске летом 2020 года поможет понять историю появления этого плаката, но оно не столь существенно для его возможных интерпретаций.

5. Омонимия – полисемия

Как было показано выше, анализируемое высказывание постоянно порождает многозначность. Разграничение омонимии и полисемии – традиционная проблема лингвистики. Принято считать, что многозначность может привести к омонимии, если значения настолько далеко отклоняются друг от друга, что уже не соотносимы между собой (проблема именно в том, как указать этот предел). Однако в данном случае эта омонимия порождает многозначность, создавая отсутствующие в системе языка связи между *ОМОНОМ* и *омонимией*. Заметим, что в отличие от тривиальной игры слов (напр., «*в банке собирали банки*»), эти связи создаются не автором текста, а самими внутрисистемными отношениями между означаемым и означающим, взаимодействие которых генерирует различные прочтения. При этом поскольку различные прочтения отрицают друг друга, то полисемия выступает также и в форме энантиосемии. Впрочем, описываемая здесь многозначность отлична и от энантиосемии, когда в зависимости от контекста можно определить антонимичные значения, и от амбивалентности, когда различные значения совмещены, здесь же различные интерпретации существуют совместно, накладываясь, но не смешиваясь друг с другом. (Традиционно используемые в лексикологии термины описывают лексико-семантические отношения в статике, жестко разграничивая их, тогда как при описании взаимодействия различные операции могут дополнять друг друга.)

Отношения между лексическими единицами переносятся на обозначение отношений между людьми. Как уже было рассмотрено в начале, квазиморфы становятся обозначением людей – антиподов, что возвращает к исходной антиномии *Мы – ОМОН*, но в уже ином воплощении. Основанная на рекурсии *странная петля* воплотилась в парадокс – сочетанием несочетаемого, совмещением антонимии и синонимии, то есть энантиосемией, которая в данном случае опять разлагается на свои составляющие – омонимы, которые при одном прочтении предстают как антонимы, при другом – как синонимы.

Наряду с этим есть и другой аспект, позволяющий уточнить теоретические положения. Многозначность можно определить как возможность синонимии – заменимости в некоторых контекстах, но не во всех (ср.: Курилович, 1955). В данном случае этот тест применим только к многозначности слова *антоним* – при некоторых толкованиях оно может быть заменено на *антипод* или *антагонист*. В других случаях в качестве заменяющего слова выступает оно само, но в ином семантическом модусе – объектном и метаязыковом. Так, другим значением слова *антоним* будет «*отношение между словами 'омоним' и 'антоним'*». Это значение может быть передано другими взаимозаменяемыми выражениями – этим же словом *антоним*. Но при этом словосочетание *отношение между выражениями 'омонимы' и 'ОМОН и мы'* может быть выражено тем же словом *омонимы*. Как видим, возможна ситуация, когда синонимом к

одному из значений многозначного слова оказывается не другая лексическая единица, а оно само, но с измененными связями между означаемым и означающим (ср.: $ОМОН_1$ и $омон_2$; *омон-и мы* – омонимы).

Многозначность обусловлена не только актуализацией различных значений лексической единицы, но и неоднозначным разложением знака на непосредственные конститuentы. Если попытаться найти синтаксическое определение тому, что написано на плакате, то это вряд ли возможно, поскольку в тексте снимается разграничение между внутренним синтаксисом слова и синтаксисом сочетания и предложения. Отношения между лексическими единицами перенесены внутрь слова. Морфологически неразложимое слово *омоним* переосмысливается как омонимичное ему словосочетание «ОМОН» и «Мы»:

омонимия
Омонимы <-----> ОМОН и мы.

Между членами словосочетания устанавливается отношение антонимии:

антонимия
ОМОН <-----> и мы.

Одновременное наличие отношений омонимии (одно и то же означающее) и антонимии (семантическая противопоставленность означаемых) создает новый энантиосемичный знак *ОМОН-И-МЫ*, прочитываемый двояким способом: при одном прочтении он предстает как антоним самому себе, при другом – как омоним.

Свертывание словосочетания в слово и развертывание словосочетания в предложение при изменяющемся модусе референции вызывает актуализацию различных значений и всякий раз запускает процесс интерпретации в противоположном направлении. Уличный протест преобразуется в работающую модель, своего перпетуум мобиле порождения семантических отношений. Антонимия указывает на синонимию, но синонимия преобразуется в многозначность, многозначность преломляется как референция к ОМОНу, чтобы быть нейтрализованной внутрилингвистическими операциями, периодичной автореферентной рекурсией: «отношение *омон и мы*» есть отношение омонимии», но в то же время «отношение омонимии есть отношение антонимии».

Само слово «Омонимы» внутри себя «скрывает», а на плакате «выносит наружу» антонимичную пару «омон – мы» и становится многозначным. Однозначный лингвистический термин раздваивается, и из метаязыкового обозначения отношения между знаками трансформируется в характеристику социальных отношений (рис. 2). Это приводит к новому преобразованию – другой метаязыковой термин *антонимы* также приобретает новое, еще не отмеченное в словарях значение и становится обозначением социальных отношений. Возникает парадоксальное референтное прочтение – *Они и мы* – *антонимы*. Но интер-

претационный цикл может быть продолжен — если актуализировать первичное значение термина. Тогда уже «омоновцы» и «студенты» выступают как неодушевленные знаки, как квазиморфы слова *омонимы* и в то же время слова русского языка *омон* и *мы*. Означаемым, референтом единицы оказываются лексические единицы русского языка при метаязыковом модусе их употребления. Лексические единицы, относящиеся к метаязыку и призванные характеризовать отношения между единицами языка-объекта, сами употреблены как единицы языка-объекта. А метаязыковые лексико-семантические отношения, трансформировались в единицы языка-объекта и обрели своих референтов: из системы языка они перебрались в высказывание на плакате, а оттуда уже и на улицы Минска.

6. Разные *Мы*: перформативное прочтение

Помимо лексикологических интерпретаций следует учесть также и возможность прочтения плаката как перформативного высказывания. В этом случае ключевым оказывается местоимение «мы», которое в данном случае может пониматься в трех значениях.

Плакат, который держат две девушки, можно считать письменным эквивалентом высказывания, и *мы* — это именно те две девушки, которые описывают себя как «мы». Однако «мы» — это так называемый неопределенный индексикал (Бенвенист, 1974; Przełęcki, 1983), его референция не может быть однозначно определена и сведена к говорящему лицу. Поэтому возможно расширение: *мы* — это студенты университета, которые стоят позади двух девушек, это университет, видимый на заднем плане (в кадре четко читается надпись БНТУ). Возможно и максимально широкое прочтение: *мы* — все, кто *не Омон*, любой, кто говорит «мы». Можно разграничить перформативное *мы*₁, это говорящие, и дескриптивное *мы*₂, о которых говорится. Экстенционалы этих *мы* могут совпадать как при наиболее узком прочтении (*мы* — это только держащие плакат; девушки имеют в виду исключительно себя), так и при расширительном. Тем не менее это прагмасемантически различные *мы*: те, кто держат плакат, и те, о ком написано на плакате. Высказывание можно представить в эксплицитной форме: *Мы*₁ *говорим: ОМОН* и *Мы*₂ — *Антонимы*.

Но знак «*мы*» появляется и как квазиморф в слове *Омон-и-мы*. Поскольку написанное на плакате высказывание допускает также и графически отграниченное от первого второе прочтение, *Омонимы* — *антонимы*, то можно говорить о двух речевых актах, использующих одно омонимичное означающее. Как и в случае других личных местоимений, означаемое местоимения *мы* есть результат операции самообозначения говорящих посредством категорий речевого акта. В данном случае она сопряжена с операцией включения *мы* в качестве квазиморфа в слово *омонимы*.

При перформативном прочтении имеет место не разложение слова, а его «склеивание», из двух компонентов посредством сочинительного

союза создается слово *омонимы*. Различные значения, которые принимает местоимение / квазиморф *мы*, основываются на чередовании и в то же время совмещении метаязыкового и объектного значения.

«Мы» — это две девушки;

Мы — квазиморф в слове *омонимы*;

Мы — все, кто говорит «мы»;

Мы — антонимы омонимов;

Мы — антиподы ОМОНа.

Хотя при анализе *мы* вынуждены расчленить написанное на плакате на два высказывания, само поднятие плаката есть единое перформативное действие, в котором переплетены два омонимичных речевых акта. Эту интерпретацию, как и предыдущие, можно представить в виде ленты Мёбиуса, когда одно прочтение переходит в другое, создавая возможность их одновременной актуализации. Плакат сам создает свое *Мы* — это те, кто держит плакат; те, кто стоят за ними; те, кто читает этот плакат; те, кто не-ОМОН. Можно воспользоваться принятым в 2D-семантике разграничением между контекстом высказывания и его контентом или же между контекстом и индексом контекста (Lewis, 1981), то есть перейти от пропозиции, выраженной данным высказыванием в определенном контексте, к значению этого же высказывания в множестве других контекстов. Тогда конкретный минский контекст с его конкретными «мы» предстанет лишь как одна из возможных манифестаций контента.

7. Заключение: рекурсия как перпетуум мобиле

Придумавшие анализируемый нами слоган студенты-технари вряд ли намеревались дополнить наши представления о семантике языкового знака. Тем не менее они создали нечто, что не только не имеет удовлетворительного объяснения в семантических теориях естественного языка, но даже не отмечено в них. Это явление можно назвать семантической суперпозицией⁶, под которой мы понимаем наложение интерпретаций. Если понимать интерпретацию как возможное состояние семантики высказывания в момент ее описания, то каждому из этих описаний будет соответствовать то или иное состояние и наоборот. Что же касается самой системы, то ее можно представить как суперпозицию всех возможных описаний, которую она одновременно содержит до момента того или иного описания.

---

⁶ В квантовой механике суперпозицией называется то новое квантовое состояние, которое получается в результате наложения теоретически возможных состояний микрочастиц до процесса измерения. Наиболее известным примером суперпозиции является так называемый *кот Шрёдингера*, это состояние кота до открытия ящика, когда находящийся в нем кот жив и мертв одновременно. Если развить эту аналогию применительно к *мы*, при одной интерпретации *мы* — две студентки БНТУ, при другой — квазиморфы слова *омон-и-мы*; семантической суперпозицией будет наложение всех этих интерпретаций — как описание той семиотической ситуации, которая имела место до интерпретации.

Есть ли смысл приписывать высказыванию выражение интенций, которые вряд ли входили в замысел их авторов? В данном случае скорее говорить об интенции высказывания порождать интерпретации, и интенции «реальных» говорящих есть лишь одна из них. Другой интерпретацией, потенциально содержащейся в плакате, например, явится наше описание, и тогда говорящим явится автор этой статьи, а его интенцией — экспликация металингвистических отношений, описываемых этим высказыванием. В зависимости от системы описания и наблюдения, с одной стороны, данное высказывание манифестирует лексикологическое отношение между означающими (омонимия) и означаемыми (антонимия), а с другой — это перформативный акт, поступок, предполагающий чуть ли не административную ответственность или, по крайней мере, исключение из университета. Но при этом знаки, пусть и выражая в том числе и политические взгляды говорящих, обозначают метаязыковые отношения. Они приобретают автономию от говорящих и манифестируют присущие данному языку семиотические отношения. Так, слово, обозначающее отношение омонимии, само используется как омоним, становясь проявлением того самого отношения, которое оно обозначает; и в этом случае совпадают член отношения и само отношение.

Если бы интенции говорящих исчерпывались выражением политической позиции, вполне достаточно было бы написать: «Мы не поддерживаем действия ОМОНа». Зачем же понадобилось усложнение, вследствие которого высказывание, хоть и не потеряло в доходчивости, но, видимо, стало менее эффективным, поскольку приобрело дополнительные смыслы, никак не связанные с целями демонстрантов и от политики неизбежно уводящую в лингвистику? Как и в случае поэтического текста, становится не столь важным, что хотел сказать автор, необходимо выявить, что говорит и что может сказать текст. Высказывание отрывается от породившего его контекста, который становится релевантным только при одной из интерпретаций, соотносящей его с Минском и БНТУ. Текст начинает жить самостоятельной жизнью, более того, из иллюстрации конфликта он сам становится моделью, порождающей конфликт, — конфликт интерпретаций. Как выясняется, внешнее подобие, омонимия, чревато антонимией. А *мы* — лишь конституент слова «омони**МЫ**», и это уже не мы, студенты, а личное местоимение «мы», которое может обозначать всякого, кто говорит «мы».

При описании подобной игры смыслов уместно упомянуть концепцию смысла Никласа Лумана, согласно которой смысл есть результат операций многократного вхождения формы в форму и осуществления внутри- и внесистемной референции⁷. (Под «формой» примени-

⁷ Ср.: «Системы, использующие смысл, уже благодаря своему медиуму являются системами, которые могут описывать себя самих и свой внешний мир лишь в форме смысла, а это означает: они могут осуществлять наблюдения и описания посредством “повторного ввода” формы в форму... Системы, оперирующие в медиуме смысла, могут и даже должны различать само-референцию и ино-референцию; и они осуществляют это таким образом, в котором актуализация

тельно к данному случаю следует понимать не тот или иной знак, а само отношение между означающим и смыслом.) Рассмотренный нами пример подтверждает давно известное в поэтике положение о том, что семантика многомерна. Он же помогает пересмотреть принятый взгляд об отношении между контекстом и многозначностью.

Принято считать, что контекст первичен по отношению к высказыванию, и он определяет его семантику. Но этому не противоречит и то, что семантика высказывания содержится в нем как потенциальное значение или как условия возможности значения. При обычном понимании контекст выступает как цензор и редактор, блокирующий потенциальные значения и выбирающий «правильное». Такая ситуация характерна для коммуникации, где требуется однозначная, не допускающая альтернатив интерпретация. Но из приведенного выше уточнения контексту можно приписать функции соавтора — можно создать такой контекст, который допускает одновременную актуализацию различных интерпретаций. Тем самым возникает определенный баланс между контекстно-свободными и контекстно-зависимыми интерпретациями.

В данном случае плакат как инструмент политической борьбы вырван из этого контекста и перемещен в металингвистический. В этих условиях он, как и в случае поэтического высказывания, формирует свою самодостаточную семиотическую систему, элементы которой могут вступать в разнообразные отношения и определяться ими. Так, уже не требуется знать, где происходят события, кто «мы» и какой университет они представляют, какой ОМОН имеется в виду и почему — «ОМОН» определяется как как антоним к «Мы», как «не-Мы». Семантические отношения из отношений между студентами и полицией становятся отношениями между смыслами и знаками. Поэтому возникают новые интерпретации, определяемые уже не контекстом и намерениями участников, а внутрисистемными отношениями. Слова с противоположными значениями, окказиональные антонимы *ОМОН* и *Мы* связаны соединительным союзом, а конъюнкция этих знаков образует... омонимы, знак, который соотносим с различными, в данном случае противоположными, смыслами. Омониция возвращает семиотические отношения к антонимии, но уже в форме энантиосемии (антонимы, выражаемые посредством одного и того же означающего). Логика данного высказывания требует совершить еще один прыжок между языком-объектом и метаязыком, В реальном Минске омовцы и студенты противостоят друг другу, но событие их противостояния создало конъюнкцию — студенты и омовцы стали правым и левым компонентом одного и того же знака *омонимы*, а их противостояние квалифи-

---

само-референции всегда сопровождается и ино-референцией, и, одновременно, в ходе актуализации ино-референции непременно задается и само-референция как соответствующая ей другая сторона различия. Поэтому всякое формообразование в медиуме смысла должно осуществляться относительно системы, неважно, акцентуируется ли в данный момент само-референция или же ино-референция» (Луман, 2004, с. 51 — 52).

цируется как антонимия, то есть еще одно отношение между знаками. Эти знаки могут обрести свои референты уже в иных контекстах, и тогда лексико-семантические отношения омонимии и антонимии вновь трансформируются в отношения между противостоящими друг другу социальными группами. Вместе с тем постоянные переходы от знаков к значениям, от значений к знакам предполагают также переход от знаков к людям, которые, в силу тех же автореференциальных механизмов, вновь становятся знаками. Подключение отношений референции вовне, к другим возможным контекстам, приведет к тому, что и тогда операция по разложению означающего (*омонимы* – *ОМОН* и *мы*) породит иных контрагентов политического конфликта, но они все равно останутся объектом металингвистической рефлексии (представим этот плакат в любом из городов, где понимают русский язык и знают школьную грамматику). Как видим, перпетуум мобиле будет действовать и тогда, когда, выйдя за рамки внутрисистемной интерпретации, мы перейдем к референциальным аспектам высказывания. Люди (*омоновцы* и *мы*) превращаются в знаки и наоборот. Что касается самих студентов, то они, породив соответствующее высказывание, сами становятся его порождением, манифестируясь — посредством «*мы*» — в его компонентах. Возникает четырехуровневый знак «Антонимы», омонимичный исходному «антонимы», на последующих стадиях семиозиса вбирающий в себя как выражение «ОмонИмы», так и их референты (рис. 3):

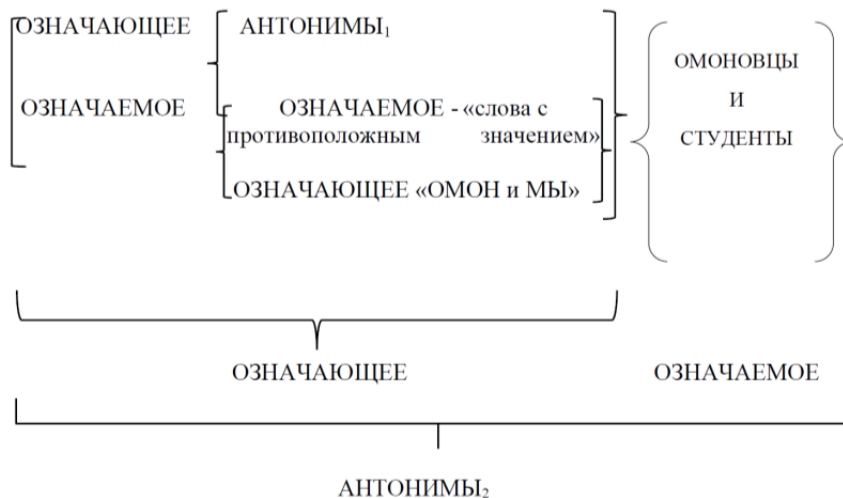

Рис. 3. Семиотическая структура знака «Антонимы»

Следует обратить внимание также и на то, что в силу омонимии все прочтения вращаются в кругу (и по кругу) между четырьмя знаками (*омон*, *омон и мы*, *омонимы*, *антонимы*), не порождая новых означаемых, а лишь перераспределяя отношения между ними. Этот круговорот помогает продемонстрировать самую суть отношения омонимии — как возможность неограниченной автореференции, демонстрации возможно-

сти выражения различных не связанных между собой значений посредством одного и того же знака. Означаеые становятся означающими, означающие — означаемыми, будучи опосредованными промежуточными ОМОНИМИЧНЫМИ или СИНОНИМИЧНЫМИ знаками (рис. 4):

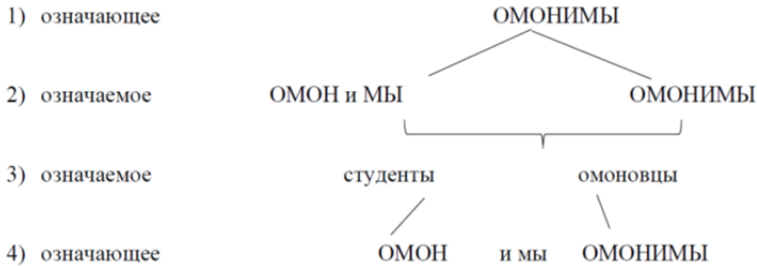

Рис. 4. Переход означаеого в означающее (на примере выражения «ОМОНИМЫ – ОМОН и МЫ»)

В целом, обобщая процесс динамического семиозиса, создания новых знаков, его можно представить как переход от одного знака к другому посредством сочетания тех же означаеых (синонимия) и означающих (омонимия), что можно считать развитием схемы Сергея Карцевского (2004) об основанном на синонимии и омонимии асимметричном дуализме языкового знака как механизме создания новых знаков (рис. 5):

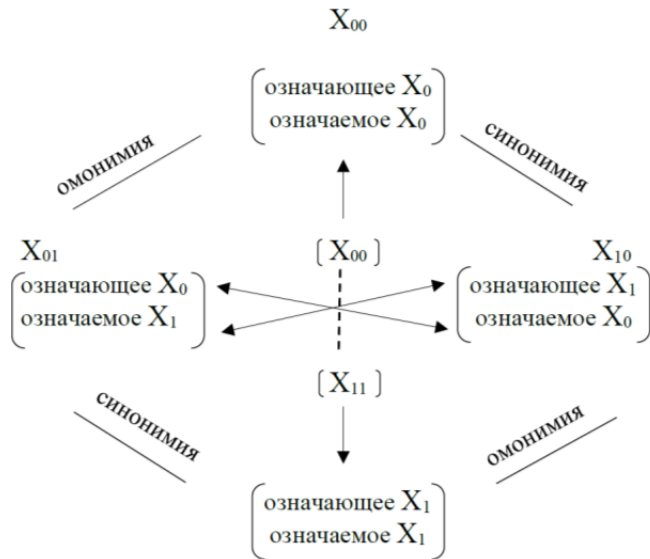

Рис. 5. Переход от знака X_{00} к знаку X_{11}

Непрямые интерпретации (коннотативные и метаязыковые) приводят к референциальным (денотативным), которые, в свою очередь, вновь приводят к коннотативным и метаязыковым. Луи Ельмслев опи-

сывал коннотацию и метаязык как операции, обуславливающие иерархию семиотических уровней начиная с нулевого, где ни означаемое, ни означающее не являются знаками, вплоть до более высоких уровней, где означаемое или / и означающее являются знаками. Знак нижнего уровня становится вложенным в знак более высокого уровня. В рассматриваемом примере наличествуют подобные включения, но тем не менее иерархии между семиотиками различных уровней не возникает. Имеет место не надстраивание, а, скорее, кругооборот круг между прямыми и переносными значениями, или же метаязыковыми знаками. Процессинг тех или иных интерпретаций позволяет эксплицировать некоторые первичные семиотические отношения — омонимии, тождества означающих, полисемии (различия означаемых), антонимии и синонимии. Операция над означающим — разложение слова — приводит к трансформации означаемых, операции над означаемыми закрепляются в тех же знаках. Но внутри новообразованной системы знаки уже не изменяют свои смыслы. В качестве возможных причин подобной семантической стабилизации можно указать на то, что возникает отношение вторичного — по отношению к лексической системе русского языка — семиозиса, который характеризуется — а) референцией к первичной системе и принятой в ней интерпретацией используемых знаков; б) наличием некоторого аналога памяти — на каждом шагу операция основывается на результате предыдущей; 3) экспликации интерпретаций, то есть системы иноописаний, отличающих одно состояние системы от другого. В этом семантическом перпетуум мобиле ни одна интерпретация не достигает конечной точки покоя — как маятник, она скатывается к предшествующему состоянию, не порождая новых значений и знаков, но повторяя уже пройденный цикл. Каждая из взаимосуществующих интерпретаций возвращается к себе самой, демонстрируя — парадоксальным и тавтологичным образом лумановскую концепцию парадокса и тавтологии как двух единственно возможных состояний описывающей себя системы (Луман, 1991). Рассмотрение этого же процесса, но в перспективе, начиная с исходной точки в последовательности операций, выявляет тавтологичный (рекурсивный) и парадоксальный (инверсивный) характер самого механизма сигнификации.

Исследование выполнено за счет проекта РФФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия).

Список литературы

- Барт Р. Миф сегодня // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц.; под ред., вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М., 1974.
- Виноградов В. В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Золян С. Т. «Двоемыслие» и семиотика политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2018. №3. С. 93–109. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.0>.

Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2004. Т. 2. С. 239–245.

Курилович Е. Р. Заметки о значении слов // Вопросы языкознания. 1955. №3. С. 73–81.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / пер. А. Ф. Филиппова // Социо-Логос. М., 1991. Вып. 1. С. 194–218.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.

Мандельштам О. Э. О природе слова // Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 217–231.

Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М., 1998.

Lewis D. Index, content and context // Philosophy and grammar / ed. by S. Kan-ger and S. Ohman. Dordrecht ; L., 1981. P. 79–100.

Hofstadter D. R. I Am a Strange Loop. N. Y., 2013.

Przetęcki M. On the meaning of indexicals // Studia Logica. 1983. Vol. 42. P. 285–291. <https://doi.org/10.1007/BF01063847>.

Tarski A. The semantic conception of truth // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4, №3. P. 341–376.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Россия; ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Для цитирования:

Золян С. Т. Семиотический перпетуум мобиле в действии: ОМОН, омонимы и антонимы // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 86–106. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE SEMIOTIC *PERPETUUM MOBILE* IN ACTION: OMON, HOMONYMS AND ANTONYMS

S. T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on August 05, 2022

Accepted on November 15, 2022

doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6

We address the interaction of various interpretations of lexical items, which leads to a change in the correlation between signifieds and signifiers and the formation of new signs. Addressing the polysemic slogan 'ОМОН-И-МЫ – АНТОНИМЫ', we explicate the

mechanism of semiotic Perpetuum mobile, that is, the cyclic recursions that allow simultaneous actualization of various interpretations of this utterance. We demonstrate that the analysis of semantic relations in their dynamics requires the introduction of new theoretical concepts. The general principle of dynamic semiosis is demonstrated – that is the recursive relations when a signified of one sign through intermediate operations (homonymy and synonymy) becomes a signifier of another and vice versa. In this semantic Perpetuum mobile, no single interpretation reaches the final point. It goes back to the previous state without producing new meanings and signs but repeating the already passed cycle. Each of the co-existing interpretations returns to itself, demonstrating – in a paradoxical and tautological way – Luhman's concept of paradox and tautology as two only possible states of a self-describing system. The same process, but being considered from the starting point demonstrates the paradoxicality and tautology of the process of signification.

Keywords: *dynamic semiosis, homonymy, antonymy, synonymy, recursion, polysemy*

The research is supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning production” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

References

- Barthes, R., 1994. Myth today. In: R. Barthes, ed. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics.]. Moscow, pp. 72–130 (in Russ.).
- Benveniste, É., 1974. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated by Yu. S. Stepanov. Moscow (in Russ.).
- Hjelmslev, L., 1960. Prolegomena to the Theory of Language. In: V. A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).
- Hofstadter, D. R., 2013. *I Am a Strange Loop*. Basic Books, 412 p.
- Kartsevskii, S. I., 2004. On the asymmetric dualism of a linguistic sign. In: S. I. Kartsevskii, ed. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From the linguistic heritage], Vol. 2, Moscow, pp. 239–245 (in Russ.).
- Kurylowicz, E. R., 1955. Notes on the meaning of word. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 73–81 (in Russ.).
- Lewis, D., 1981. Index, content and context. In: S. Kanger and S. Ohman, eds. *Philosophy and grammar*. Dordrecht and London, pp. 79–100.
- Lotman, Yu. M., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow (in Russ.).
- Luhmann, N., 1991. Tautology and paradox in the self-descriptions of modern society. *Socio-Logos*, 1. Moscow, pp. 194–218 (in Russ.).
- Luhmann, N., 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Translated by A. Antonovskii. Moscow, 232 p. (in Russ.).
- Mandelstam, O. E., 1999. *Sobranie sochinenii v 4 t. T. 1. Stikhi i proza, 1906–1921* [Collected works in 4 vols. Vol. 1. Poems and prose, 1906–1921]. Moscow, 370 p. (in Russ.).
- Przełęcki, M., 1983. On the meaning of indexicals. *Studia Logica*, 42, pp. 285–291, <https://doi.org/10.1007/BF01063847>.
- Stepanov, Yu. S., 1998. *Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. Towards the Modern Philosophy of Language]. Moscow, 784 p. (in Russ.).
- Tarski, A., 1944. The Semantic Conception of Truth, *Philosophy and Phenomenological Research*, 4 (3), pp. 341–376.
- Vinogradov, V. V., 1930. *O khudozhestvennoi proze* [On artistic prose]. Moscow and Leningrad (in Russ.).
- Zolyan, S. T., 2018. “Doublethink” and Semiotics Of Political Discourse. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, pp. 93–109, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.0> (in Russ.).

The author

Dr Suren T. Zolyan, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

To cite this article:

Zolyan, S. T., 2023, The semiotic *perpetuum mobile* in action: OMON, homonyms and antonyms, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 86–106. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))